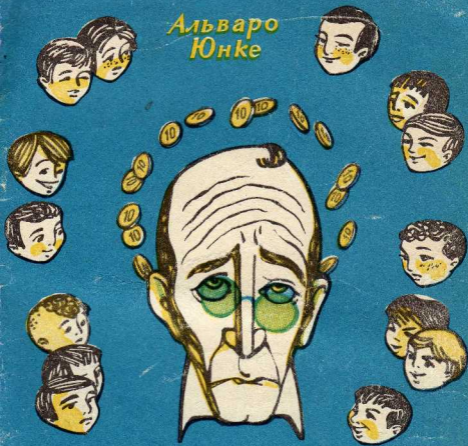

Альваро
Юнке

СУМКА СВЯТОГО
ЛУИСА ГОНСАГА

Скачено с www.bookkid.narod.ru

Альваро Юнке

**СУМКА
СВЯТОГО**

ЛУИСА ГОНСАГА

Перевод с испанского
Инны Тыняновой

Рисунки
В. Драпишиниковой

Издательство «Детская литература»
Москва 1969

Неряшливый, словно неумытый, с длинными ногами и руками, с длинным землистым лицом да и весь какой-то длинный и тощий, в очках с толстыми стеклами, поминутно соскальзывающих с его близоруких глаз на кончик костлявого носа, с жидкими, сухими, как солома, потерявшими цвет волосами, описывающими жалкую закорючку на морщинистом, пожелтевшем лбу, — таков был сеньор Тристан, учитель. Когда он впервые пришел в третий класс, ученики решили подвергнуть его «испытанию»: в начале второго урока в него был брошен твердый шарик из жеваной бумаги.

Однако сеньор Тристан не стал искать виновных, чтобы наказать их. Напротив, он стал умолять о сострадании. Встав перед вражеским войском, состоящим из тридцати учеников, он поющим, тусклым, прерывающимся от усталости голосом затянул:

— Дорогие мои юноши, зачем вы так обижаете своего наставника? Разве не страшитесь вы божьего гнева? Не меня следует вам бояться, отнюдь нет. Бога побойтесь! Бога!..

В конце этой речи он в таком экстазе выкрикнул дважды грозное имя бога, что отважное детское войско содрогнулось. Всем показалось, что сейчас наступит конец мира.

Учитель продолжал:

— Бог смотрит на нас с небес. Он отмстит за меня! Он все видит! Берегитесь! Он все видит! Больше я ничего не скажу..

Глубокая тишина стояла в классе. Детей охватила изумление и ужас. Этот учитель не собирался их наказывать, он грозил им именем бога, всемогущего

и страшного бога, которого они, выросшие в католических семьях, привыкли почитать и бояться. Бог — победитель дьявола! Бог — создатель грома и молнии! Бог — начальник всех ангелов и архангелов, вооруженных огненными мечами! Бог... И бог отомстит им за этого странного учителя?! Эффект учительской речи был подобен молнии небесной.

С этого момента никто больше не пытался подшутить над учителем.

Ограничились тем, что придумали для него прозвище — Монашек. Прозвище это гораздо более подходило к тощей фигуре, постному лицу, вялым жестам и гнусавому голосу учителя, чем его настоящая фамилия. Он всегда говорил о предметах религиозных, и речь его изобиловала возвышенными оборотами и мистическими выражениями. Если он рассказывал истории, то это всегда были жития святых. Если вспоминал об одном из своих друзей, то друг этот обязательно оказывался священником. Если читал книгу, то только религиозного содержания. Он заставлял детей причащаться¹. Он угрожал им муками ада и предсказывал им блаженство рая. Он сумел пленить их детскую безудержную фантазию и запереть ее в золоченую клетку своих речей, сплетенную из необычайных чудес, из прекрасных сказок, из мистических ужасов.

И все тридцать мальчиков, тридцать невчих птиц, запертых в этой клетке, со страхом и преклонением слушали рассказы Монашка. Ему подчинялись беспрекословно. Он считался святым: ведь он никогда никого не наказывал! Впрочем, ученики и не делали ничего достойного наказания.

¹ Причащаться — совершать одно из основных религиозных таинств христианской церкви.

Однажды утром, в субботу, на первом уроке, учитель, как всегда, торжественным голосом обратился к ученикам:

— Дети мои! Вам уже известно, что я поклоняюсь святому Луису Гонсага. Теперь он и ваш заступник. Я каждый день молю его за вас. Он поможет мне воспитать вас кроткими и богобоязненными. Вы будете счастливыми, потому что он, святой Луис Гонсага, — ваш заступник...

Тридцать учеников слушали, не проронив ни звука, боясь пошевеливаться, пораженные словами учителя и готовые впасть в экстаз.

Учитель казался детям священником, произносящим проповедь. Его скромный столик, словно по волшебству, превратился в высокий амвон.

— Дети мои, обожаемые мои дети, добрые мои дети, богобоязненные мои дети! Разве не будет справедливым, если и вы внесете свою скромную лепту на алтарь вашего святого заступника?

Он ждал ответа. Но все молчали. Дети сидели с раскрытыми ртами, словно окаменевшие.

Учитель настаивал:

— Отвечайте же! Разве это не будет справедливо? Отвечайте же: готовы ли вы внести небольшое пожертвование в пользу святого Луиса Гонсага, который денно и нощно неуслышно заботится о ваших юных душах?

Один из мальчиков, более храбрый, сказал:

— Да, сеньор!

И тотчас из весь класс нестройным хором, запинаясь и захлебываясь потоком своих благородных чувств, единодушно поддержал говорившего:

— Да, сеньор!

Учитель картинно упал на стул и долго сидел неподвижно, закрыв лицо руками. Казалось, он плакал. Взволнованные дети, не шевелясь, не моргая, смотрели на него. Наконец учитель вынул носовой платок и провел им по глазам. Он произнес:

— Я плачу от радости, дорогие, бесценные мои дети! Вы все добры, как святые! Наш заступник сегодня радуется, глядя на вас с неба. Это, наверно, самый счастливый день в его жизни. Благодарю вас, дети мои. От имени святого Луиса Гонсага благодарю вас!

И он снова замер, сжав руками голову, а дети сидели неподвижно, словно оцепенев.

Учитель заговорил снова:

— Пожертвование, которое вам предстоит внести, невелико: я попрошу у вас по десять сентаво¹ в неделю. Десять сентаво! Ну у кого же не найдется такой мизерной суммы! Жалких десять сентаво! Кто ж из вас не тратит их каждую неделю на прини-

¹ Сентаво — денежная единица в Аргентине.

ки и конфеты? Собирая по десять сентаво каждую неделю, мы совершим в честь нашего святого заступника обряд, который назовем «презрение к деньгам». Какую радость доставим мы святому! Как возликует он, узрев, что тридцать самых юных почитателей его, тридцать чистых, незапятнанных душ, тридцать добрых детей выказывают свое презрение к деньгам, кои являют собою прах и бесовское наваждение!.. Святой Луис Гонсага! — возопил он, воздев кверху руки и теперь уже обращаясь непосредственно к святому. — Прими этот дар из чистых рук сих детей! Ибо даже деньги, проклятые, презренные монеты, коснувшись невинных рук дитяти, очищаются от всякой скверны!

Учитель замер на мгновение в религиозном экстазе и затем, снова спустившись с неба на бrenную землю, изложил готовым к послушанию детям свой проект... Каждый понедельник они будут давать ему по десять сентаво. Так как в классе всего тридцать душ, то это составит три песо. Он поменяет монеты на бумажные деньги. Бумажные деньги будут положены в сумку. Сумка будет повешена под образом святого. Там она останется всю неделю, а в субботу, прежде чем разойтись по домам, они сожгут и сумку и деньги.

Учитель закончил:

— Пусть проклятые деньги, превратившись в серый дым, полетят на небо! Таково будет жертвоприношение, которое вы будете каждую неделю совершать в честь святого нашего заступника, ограждающего нас от всех земных бед. С этим дымом поднимется к небу истинно высокое чувство — презрение к деньгам!

Дети, разумеется, были готовы совершить описанное жертвоприношение.

В понедельник каждый из тридцати мальчиков принес свои десять сентаво. Учитель сунул монеты в карман, а взамен достал три песо кредитными билетами, которые и положил затем в небольшую бумажную сумку, а сумку сразу же привесил под образом святого Луиса Гонсага.

Там сумка провисела ровно шесть дней. В субботу, перед концом последнего урока, учитель таинственно запер дверь, снял с гвоздя сумку и бросил на пол. Потом он стал топтать сумку ногами, потом полил спиртом... Наконец он вынул спичку.

Дети чуть не вывихнули себе шеи, стараясь получше разглядеть, что же сейчас будет, — как будто на этом крошечном аутодафе¹ сжигалась проклятая плоть самого дьявола.

— Читайте «Отче наш»! — выкрикнул учитель.

Манинально, словно во власти какой-то потусторонней силы, тридцать мальчиков нараспев затянули:

— Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя твое...

Учитель поднес спичку к бумажной сумке — и веселые язычки пламени заплясали перед изумленными глазами молящихся детей, голоса которых слились с голосом учителя, опустившегося на колени:

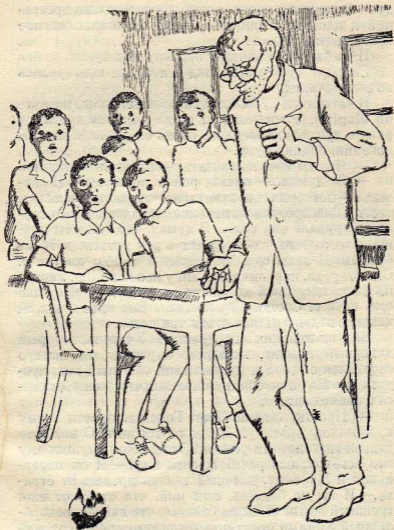
— Отче наш, иже еси на небесех!

Кое-кто из мальчиков тоже встал на колени.

От сумки с деньгами осталась лишь крошечная горсточка пепла. Учитель собрал этот пепел и, подняв руку к образу, возопил:

— Святой Луис Гонсага, прими этот скромный дар от тридцати чистых, не запятнанных грехом

¹ Аутодафё — сожжение на костре. Во времена средневековья на кострах сжигали еретиков.

душ! Прими сей пепел, в котором заключено презрение к деньгам, священное чувство, испытываемое праведными детьми!

И он высыпал пепел в корзину для бумаг.

Еще две субботы подряд эта сцена повторялась во всех деталях.

В четвертую субботу один из мальчиков, по имени Мартин, в тот момент, когда учитель протянул руку к сумке, намереваясь снять ее с гвоздя для сожжения, поднял руку.

— Что ты хочешь сказать? — спросил наставник.

— Я думал... — начал робко мальчик. — Я думал... — повторил он отчетливо, внезапно осмелев, словно благородное намерение, овладевшее его сердцем, придало ему сил. — Я думал, что было бы лучше, вместо того чтобы сжигать эти деньги, дать их бедным. Я знаю одну женщину в нашем квартале. Она старуха, парализная. Сын у нее пьяница, иногда по нескольку дней домой не приходит, и бабушке есть нечего. Соседи ей помогают. Вот если б мы ей каждую неделю отдавали эти три песо...

Ему не пришлось продолжать. Учитель, который в первый момент, казалось, смутился, но быстро справился с собой и принял свой обычный вид, прервал его. Но он не обратился к мальчику, он обратился к иконе святого:

— Прости, святой Луис Гонсага, прости этому маленькому еретiku! Это не он говорит! О нет! Это дьявол глаголет его устами! Это дьявол внушил ему сии богохульные речи! Прости ему! — И он повернулся к Мартину, который теперь дрожал от страха. — И вы не бойтесь, сын мой, что отсохнет ваш грешный язык? И вы не бойтесь, что святой, оскорбленный вашими преступными речами, попросит всевышнего наказать вас, тем явив пример справедливости.

вого суда над еретиком? Что, придя домой, вы найдете ваше жилище ставшим жертвой пламени и лежащим в руинах, под которыми мать ваша нашла свою кончи... О нет, боже милосердный, я не решаюсь произнести это страшное слово! Прости его, святой Луис, прости его! — И учитель снова обернулся к насмерть перепуганному мальчику. — Думали ли вы о том, что говорите? Нет, вы не думали! Поняли ли вы, что ваши речи были богохульными? Нет, вы не поняли! Предпочесть земную тварь, брэнного человека, хоть бы то и была бедная, парализованная старуха, предпочесть святому! Отвечайте: думали ли вы, какой чудовищный, непростительный, непостижимый грех вы совершаете, произнося подобные речи? Отвечайте!

Мальчик не мог отвечать. Он плакал, горестно, задыхаясь от рыданий, отчаянно глотая ртом воздух.

— Еретик раскаялся! — торжественно пропел учитель, обращаясь к святому. — Ибо ты явил ему свою милость и отпустил ему его грех, милосердный наш заступник! Благодарю тебя! — И, повернувшись к мальчику, все тело которого сотрясилось от судорожных рыданий, продолжал: — Вы раскаялись, и вы прощены! Поднимите голову! Посмотрите на святого. Язык ваш согрешил, но душа ваша невинна!

Он подошел к мальчику, поднял обеими руками его низко склоненную голову, патетически звонко и отечески нежно поцеловал его в разгоряченный лоб и крикнул, оглушая присутствующих своим голосом:

— Именем святого Луиса Гонсага отпускаю тебе твой грех!

Мальчик снова заплакал, но теперь это были не бурные слезы страдания, а тихие, облегчающие сердце слезы радости.

Другие дети тоже плакали.

И в этот раз, когда огонь начал пожирать сумку с деньгами, класс опустился на колени.

Прошло еще пять недель.

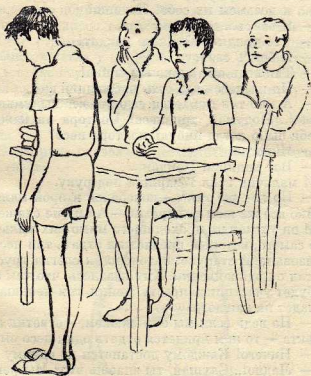
Обряд сожжения денег стал понемногу терять свой торжественный характер. С ним случилось то же, что случается со всеми религиозными обрядами, слишком часто повторяемыми: он стал привычным явлением.

Как-то раз кто-то из мальчиков, вместо того чтобы дать десять сентаво на жертвоприношение, истратил их на бумажного змея. Учитель за него положил деньги в сумку святого.

На следующей неделе учителю уже пришлось положить деньги за трех учеников. Они тоже истратили свои десять сентаво, хотя при этом очень извинялись. Учитель прибегал к обычным патетическим жестам, к обычным возгласам и крикам, к обычным

обращения к святому, висящему на стене. Но и жесты, и крики, и обращения к святому тоже понемногу теряли свою первоначальную силу воздействия: они тоже стали привычными. И все чаще при виде Монашка, с посиневшим лицом вздымающего к небу сжатые кулаки, грозя еретикам божьей карой, при звуке его загробного голоса, пророчившего ужасающие бедствия, на ребячьих лицах появлялась едва заметная плутоватая улыбка. Божий гнев — это хороший точильный камень для веры, но если очень

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Обложка А. Астрецова

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Юкке Альваро

СУМКА СВЯТОГО
ЛУИСА ГОНСАГА

Ответственный редактор
М. В. Радзигинская
Художественный редактор
Т. М. Токарева
Технический редактор
Л. В. Гришина
Корректор

Н. А. Сафронова.

Одано в набор 6-III 1969 г. Подписано к печати
4-VI 1969 г. Формат 60×84^{1/2}₁₆. Печ. л. 1. Усл.
печ. л. 0,833. (Уч.-изд. л. 0,7). Тираж 100 000 экз.
ТП 1969 № 373. Цена 3 коп. на бум. № 1. Ордена
Трудового Красного Знамени издательство
„Детская литература“ Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Кра-
сного Знамени фабрика „Детская книга“ № 1
Росгизполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров РСФСР. Москва, Суздальский
вал, 49. Заказ № 3915.